

АНТРОПОЛОГИЯ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

© 2019 г. В. Н. Жуков

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Институт государства и права Российской академии наук, Москва*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 19.02.2019 г.

В статье рассматривается связь между свойствами человека и свойствами государства и права. Предлагается концепция неизменной природы человека, государства и права. Дается характеристика человека как гражданина и патриота. Раскрывается существо политического отчуждения, объясняется невозможность его преодоления. Показываются особенности связи между бытием личности и бытием права.

Ключевые слова: философия права, общая теория права, социология права, антропология права, онтология права, политическое отчуждение, права человека.

DOI: 10.31857/S013207690004426-0

Понятие человека

Происхождение человека. Человек — это биологическое существо, наделенное разумом и представлением о нравственности, живущее в коллективе и осуществляющее целеполагающую предметно-практическую деятельность. Человек принадлежит одновременно двум мирам — природе и культуре. В качестве биологического организма он — часть природы, как разумное нравственное существо — элемент культуры. Человек являет собой противоречивое единство природы и культуры. Тема природы человека, его сущностных свойств — вечная в истории человеческой мысли. Философы и ученые древности и нашего времени предлагали и продолжают предлагать свои трактовки человека, но нельзя сказать, чтобы мы приблизились к истине. Вопрос о сущности человека окончательно решен быть не может, поскольку упирается в метанаучные и мировоззренческие проблемы. Есть, как минимум, два вопроса, решение которых не представляется возможным современными научными средствами: происхождение биологической жизни и природа человеческого сознания. Тема происхождения человека и человечества — область гипотез, построенных на крайне обрывочных, фрагментарных, противоречивых данных истории. Проблема сознания в конечном счете сводится к мировоззренческому выбору между идеализмом (религией) и материализмом, надо принимать на веру либо одну, либо другую позицию.

В европейской традиции тема происхождения человека приобрела вид дилеммы: человек есть

либо продукт эволюции, либо результат акта творения. С эволюционной точки зрения человек на определенном этапе своего развития выделяется из животного мира и приобретает надбиологические свойства, становится разумным нравственным существом. В социальных науках эволюционная теория является почти общепризнанной, она широко распространена, служит базой для подавляющего большинства научных исследований в области человеческой деятельности и культуры. Считается, что человек выделяется из особой ветви гоминидов (к ним относятся как люди, так и человекообразные обезьяны) и проходит в своем развитии ряд стадий: сначала появляется австралопитек (ок. 3 млн лет назад; юг и восток Африки), затем питекантроп (ок. 500 тыс. лет назад; Азия, Европа, Африка), неандерталец (200–35 тыс. лет назад; Европа, Азия, Африка) и, наконец, около 50 тыс. лет назад возникает человек современного типа — *Homo sapiens*, «человек разумный». Многие ученые полагают, что непосредственным предшественником «человека разумного» был кроманьонец (40–30 тыс. лет назад; Европа, Азия). В процессе антропогенеза были два качественных скачка. Первый связан с появлением отличительных морфологических особенностей человека (большой мозг, прямохождение, подвижная и развитая кисть руки), мышления и языка, формированием зачатков социальной организации; второй — с появлением *Homo sapiens*. Основными движущими силами процесса антропогенеза были: половой отбор (женщины выбирали наиболее сильных мужчин, что обеспечивало лучшее потомство), развитие

кисти руки, увеличение и развитие мозга, изготовление орудий труда и сам процесс труда. В период каменного века (от 2 млн — до 8 тыс. до н.э.) человек переходит от первобытного стада к праобщине. В новокаменный век (неолит; 8—4 тыс. до н.э.) появляется первобытное общество, совершается так называемая неолитическая революция, люди переходят к оседлому образу жизни и производящему хозяйству. В бронзовом веке (4 — начало 1-го тыс. до н.э.) возникают первые государства, железный век (начало 1-го тыс. до н.э. — IV—VI вв. н.э.) знаменуется образованием классовых обществ и государств.

При всей привлекательности теория эволюции вызывает много вопросов. Данные современных естественных наук (биологии, физики, химии) не дают оснований утверждать, что эволюция биологических организмов даже на протяжении нескольких миллионов лет может вести к их радикальному анатомическому изменению. Так называемые эволюционные скачки невозможно объяснить, опираясь только на эмпирические данные, приходится прибегать к гипотезам. Утверждение, что 50 тыс. лет назад появляется человек современного типа, вызывает большие сомнения. Названный срок — ничтожен по меркам эволюции. Если исходить из данной гипотезы, нет четкой границы между современным человеком и его ближайшими предками — неандертальцем и кроманьонцем. А между тем ни кроманьонец, ни неандерталец в принципе не могли создать более или менее развитую культуру, это оказалось под силу только человеку современного типа, причем в исторически крайне сжатые сроки. Получается, что 50 тыс. лет назад эволюция делает качественный скачок такой силы, какой не способна была сделать за предшествовавшие миллионы лет. С позиции современного естествознания объяснить это невозможно. Опираясь на теорию эволюции, можно предположить, что антропологические свойства человека (тело, сознание, способности) будут меняться и в дальнейшем. На данной посылке построены многочисленные социальные утопии (коммунизм, либерализм, анархизм, фашизм), эволюционизм породил традицию социального прожектерства, социальной инженерии. Проекты идеальных обществ всегда предполагают не реального, а какого-то совершенного, преобразованного человека. Крайним проявлением социального прожектерства, построенного на идее эволюции, стали тоталитарные режимы XX столетия. Партийные диктатуры ставили перед собой цель выведения нового, особого человека, способного быть автоматом, винтиком общей машины подавления. Если коммунисты рассчитывали главным образом на изменение сознания людей, то германский национал-социализм задачу создания нового человека понимал буквально: необходимо

было создать новый антропологический тип — высшую расу, призванную к мировому господству. Все расы, не отнесенные нацистами к высшей, объявлялись неполноценными, тупиковыми ветвями человеческого рода.

На этом фоне христианская трактовка выглядит более реалистичной. Библейская история, ведущая человеческий род от Адама и Евы (они — творение Бога), хотя и существует помимо данных антропологии, археологии, истории и других наук, обладает ничуть не меньшим эвристическим потенциалом. Христианские догмы никак не слабее гипотез, предложенных эволюционизмом. С точки зрения христианства природа человека неизменна, она изначально содержит в себе два взаимоисключающих компонента: звериное начало, идущее от дьявола, и образ и подобие Божие. Как образно говорил Ф.М. Достоевский, мир есть борьба Бога с дьяволом и место этой борьбы — сердце человека. Иными словами, христианство четко и ясно констатирует факт дуализма человеческой природы, состоящей из физического и духовного компонентов, где плотское, животное начало постоянно подминает под себя высокую духовность. Христианский тезис о неизменности человеческой природы напрочь исключает всякие попытки создания социальных утопий. Земной мир в любых его модификациях, согласно христианской догме, есть порождение греха, мир лежит во зле, человеческими усилиями его невозможно радикально изменить, его преобразование возможно лишь путем его гибели в виде Конца света. Догма о конце света и Царстве Божием выглядит не более фантастично, чем гипотеза эволюционизма о превращении обезьяны в человека. Уровень достоверности и проверяемости обоих тезисов примерно одинаков. Более того, христианская трактовка имеет преимущества. Любая социальная наука, если она хочет оставаться на базе фактов, а не фантазий (гипотез), должна опираться на идею неизменности человеческой природы. Исторический отрезок, связанный с деятельностью «человека разумного», доказывает факт неизменности человеческой природы, а не ее трансформации в каком-либо направлении. Обществовед, опирающийся на идею тварности человека, в большей мере застрахован от социального утопизма, чем тот, кто отталкивается от догм эволюционизма.

Свойства человека. Как сказано выше, человек — противоречивое единство природы и культуры. Если брать природный компонент, отличий человека от животного практически никаких нет, гораздо больше сходства. Биологическая природа заставляет человека вести себя подобно любому животному организму, это сфера господства инстинктов. Человек выделяется из животного мира благодаря сознанию, способности создать мораль,

социальные институты и вести целеполагающую предметно-практическую деятельность. Иными словами, человек принципиально отличается от животных своей способностью создавать культуру. Животное и культурное начала в человеке как дополняют друг друга, так и конфликтуют между собой. Очевидно, что из этих двух компонентов первична биология, сама жизнь, культура служит средством поддержания жизни. В этом смысле поведение человека определяется главным образом инстинктами и материальными потребностями. Инстинкт самосохранения, борьба за выживание лежат в основе практической деятельности, порождают так называемую высокую духовность. Ради физического выживания человек и социальная группа готовы пойти на любое преступление, инстинкты не знают заградительных пределов. Люди используют разум в первую очередь затем, чтобы добыть себе пищу, одежду, жилище, т.е. создать себе условия удовлетворительного материального существования. Достижение материального благополучия — это и есть борьба за жизнь, за выживание.

Человек — существо социальное, он всегда жил и живет в коллективе, что рождает потребность в социальных нормах и институтах, упорядочивающих его поведение. Борьба за жизнь, за удовлетворение материальных интересов индивида и коллектива не должна быть разрушительной в отношении самой жизни, а потому создаются нормы культуры, защищающие коллектив. Культура, как верно сформулировал З. Фрейд, есть система запретов, установленных обществом в отношении индивидов. С помощью культуры общество подчиняет себе индивидов, направляет их борьбу за выживание в интересах коллектива. В этом смысле культура есть нормативно оформленный, институционально закрепленный способ борьбы за жизнь, согласующий интересы коллектива и индивида. Прогресс культуры во всех ее областях (науке, технике, хозяйстве, государственном строительстве, праве, искусстве) следует рассматривать как следствие грандиозной борьбы человеческих коллективов за жизнь. Здесь может создаться впечатление, что культура преобладает над природой, является большей ценностью. Но это, конечно, не так. Бесконечные войны, угроза ядерной войны, способной уничтожить все живое на Земле, говорит о простой и очевидной истине: борьба за жизнь неуклонно ведет к войне за материальные ресурсы, народы и государства, борясь за выживание, готовы перешагнуть через любые культурные нормы, включая гибель миллионов людей. Постоянное совершенствование оружия массового уничтожения, готовность государств применить его в случае военного конфликта убедительно говорит о господстве инстинктов, а не культуры.

Современную международную жизнь определяет не культура в форме права или высокой гуманистической морали, а примитивные животные механизмы, приправленные респектабельной политической пропагандой. На индивидуальном уровне также всегда одерживает верх природа, а не культура. Как верно отмечал З. Фрейд, человек — враг культуры, он — всегда преступник по своим бессознательным установкам. Если у индивида есть возможность удовлетворить свой эгоистический интерес в обход закона без ущерба для себя, он, как правило, идет на это. Таково массовое поведение индивидов. Общество в лице государства понимает такую особенность индивидуального поведения и устанавливает многочисленные юридические запреты, но от этого преступность не перестает быть массовым явлением.

Свойства человека всегда были предметом пристального внимания философов, историков, антропологов, социологов, психологов в связи с характером их взаимоотношений с государством и правом. В общем всегда было понятно, что, поскольку государство и право — следствие человеческой деятельности, между свойствами данных институтов и свойствами человека существует связь. В древности эта связь часто понималась буквально, что нашло свое проявление в антропоморфизме мифологических сюжетов. Человек наделял своими свойствами богов, так что их взаимоотношения становились моделью фактических, земных отношений. Власть, государство, законы рассматривались как следствие воли богов, а поскольку боги наделялись качествами человека, политико-правовые институты понимались сквозь призму этих свойств и как их проявление. В древнегреческой философии антропоморфизм продолжает иметь место, но приобретает уже форму теории. Так, Платон, рассуждая в диалоге «Государство» о формах государства, видит непосредственную связь между спецификой власти и свойствами людей, между типом человеческого характера и типом государственного устройства. «Тимократический» человек порождает тимократию, «олигархический» — олигарию, «демократический» — демократию, «тиранический» — тиранию и т.д. Стремление рассмотреть государство и право с точки зрения антропологизма и антропоморфизма, т.е. через призму свойств человека, было широко распространено среди просветителей XVII–XVIII вв. Господствовавшие тогда теории естественного права и договорного государства исходили из посылки, согласно которой естественные права, договорное государство, свобода и равенство есть требование естественных качеств человека. Государственную власть следует ограничить, права человека защитить от произвола, закон сделать равным для всех, свободу гарантировать потому, что это требование природы

человека, его свойств как биологического разумного и нравственного существа. С середины XIX в., когда появляются социальные науки современного типа, тема связи свойств человека и свойств политико-правовых институтов вступает в новую фазу. В общем и целом начинает преобладать точка зрения, согласно которой сумма свойств людей не может быть сведена к свойствам социальных институтов и общества в целом. Государство и право, имея несомненную связь с качествами людей, тем не менее вырабатывают собственные свойства, принципиально не сводимые к свойствам индивидов. Данная позиция представляется оптимальной, но с учетом понимания, что политико-правовые институты — дело рук человека, следовательно, сознание, воля, психология, способности людей теснейшим образом включены в их ткань.

Как говорит наука, отталкивающаяся от эволюционизма, «человек разумный» вытеснил все остальные разновидности человека. Современные первобытные племена, развитие которых остановилось на стадии каменного века, также относятся к типу *Homo sapiens*. Такое понимание приходит не сразу, процесс признания за современными первобытными народами был отягощен политическими и экономическими причинами (например, необходимость обосновывать рабство в США). Известно, что еще в 30-е годы XX столетия в зоопарках Европы наряду с животными демонстрировали представителей первобытных племен, насильно вывезенных из мест их проживания, они подавались как разновидности фауны. Тем не менее в XIX в. бурно развиваются этнография и антропология, исходная посылка которых состояла в признании принципиального тождества между людьми, стоявших на разных ступенях цивилизации. Исследования в области социологии и психологии во многом строились на допущении, что современные цивилизованные народы когда-то были такими же, как современные дикие племена (работы Ф. Энгельса, М. Вебера, З. Фрейда и др.). В социальных науках XX — начала XXI в. данный подход остается господствующим. Очевидно, что здесь за основу берется тезис не эволюции человеческой природы, а ее неизменности. Считается, что тип «человека разумного», однажды сформировавшись, далее не претерпел существенных изменений. На этом строятся, например, исторические исследования. Историк, изучающий Древний Египет, Древний Китай, Древнюю Индию, Древний Рим, Древнюю Грецию, естественным образом исходит из посылки, что люди того времени по своим базовым свойствам принципиально не отличались от современного человека. В противном случае невозможно было бы понять логику поведения древних народов, причинно-следственные связи исторических событий. Таким образом, в целом

современные социальные науки исходят из тезиса о неизменности базовых свойств человека на протяжении, как минимум, писаной истории. Эти базовые свойства включают в себя особенности биологического организма, психологические реакции и разум. Так, никто из серьезных ученых не берется доказывать тезис, что люди в глубокой древности обладали меньшими умственными способностями, чем современные. Можно говорить об эволюции представлений человека о мире, об изменении содержания его сознания, о накоплении знаний о действительности, но сами мыслительные способности неизменны. Природа человеческого сознания неизвестна, но, однажды возникнув, разум как способность мыслить продолжает оставаться неизменным.

Посылка о неизменности человеческой природы имеет важное методологическое значение для понимания государства и права. Признание неизменности базовых свойств человеческой природы влечет за собой естественный вывод о неизменности базовых свойств государства и права. Если природа человека, а значит и общества, не меняется, почему должна меняться природа государства и права? Между политико-правовыми институтами древности и современности — дистанция огромного размера, но различия касаются лишь формы, содержания, их сущность, базовые свойства неизменны.

Человек как личность. В нашей философской литературе принято различать понятия «индивид», «индивидуальность», «личность», каждое из которых оттеняет тот или иной аспект бытия человека. «Понятие “человеческий индивид” обозначает лишь принадлежность к человеческому роду и не включает конкретных социальных или психологических характеристик. Понятие индивидуальность, которым оперирует психология, обозначает совокупность унаследованных и выработанных в процессе онтогенеза физических и психических особенностей, отличающих данного индивида от всех остальных. Понятие личность обозначает целостного человека в единстве его индивидуальных способностей и выполняемых им социальных функций (ролей)»¹. Понятие личности «в европейских языках обозначается словами, происходящими от латинского *persona*: *person* (англ.), *die Person* (нем.), *personne* (франц.), *persona* (итал.). В классической латыни это слово обозначало прежде всего “маску” (ср. рус. “личина”) — слепок с лица предка, ритуальную маску и театральную»². «При всем разнообразии теоретических подходов к изучению личности именно многомерность личности

¹ Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 3. М., 1964. С. 196.

² Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М., 2001. С. 400.

признается ее сущностью. Человек выступает здесь в своей целостности: 1) как участник историко-эволюционного процесса, носитель социальных ролей и программ социотипичного поведения, субъект выбора индивидуального жизненного пути, в ходе которого им осуществляется преобразование природы, общества и самого себя; 2) как диалогичное и деятельностное существо, сущность которого порождается, преобразуется и отстаивается в совместном существовании с другими людьми; 3) как субъект свободного, ответственного, целенаправленного поведения, выступающий в восприятии других людей и в своем собственном в качестве ценности и обладающий относительно автономной, устойчивой, целостной системой многообразных, самобытных и неповторимых индивидуальных качеств»³.

Иными словами, категория личности выдвигает на первый план не биологический, а социальный компонент природы человека. Уже на эмпирическом уровне, на уровне обыденного сознания понятно, что человек — существо социальное. Как утверждал еще Аристотель, вне общества могут жить либо животные, либо боги. Современные социальные науки в целом опираются на тезис о социальной природе человека, естественнонаучный подход не предполагает другой трактовки. Вместе с тем в рамках различных идеалистических и религиозных философских школ личность зачастую рассматривается в качестве самодостаточной субстанции, слабо связанной с социальной средой. Так, категорический императив Канта призван был доказать, что моральные и правовые представления людей есть врожденный модус разума, а не следствие социализации личности. Представители возрожденного естественного права (Р. Штаммлер, П. И. Новгородцев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев) стояли на позиции, что правовой идеал, идея права, нравственность не могут быть выведены из практики, они даны человеческому разуму априорно (подразумевалось, что Богом). Материалистическую позицию четко сформулировал К. Маркс: личность есть совокупность всех общественных отношений, рожденных практикой. Социальная среда (культура) создается людьми, приобретает собственные качества, которые, в свою очередь, наделяют данными качествами личность. Оба подхода (идеалистический и материалистический) оперируют убедительными фактами, но каждый из подходов, доведенный до своего логического предела, становится односторонним.

Понятно, что общество — совокупность индивидов, а не монолитная биологическая масса. Общественное сознание и общественная практика складываются из духовно-практической деятельности

множества лиц. Личность формируется как следствие субъект-объектных отношений, индивид становится личностью, выделяя себя из мира объектов и вырабатывая к ним собственное отношение. Личность есть проявление индивидуального своеобразия, единичности. Ее индивидуальность проявляется в способностях, мировоззрении, ценностных установках и особенностях психики. Именно личность делает ценностный выбор, поступая тем или иным образом, именно личность способна решать для себя вопросы жизни и смерти, смысла жизни. Только личность способна к духовной жизни, нуждается в свободе и может нести ответственность. Ощущение собственного достоинства начинается с личности. Только личность является полноценным субъектом социальной деятельности, индивид, лишенный качеств личности, теряет свою субъектность, свое самостоятельное значение. Вместе с тем личность немыслима вне социальной среды. Как верно указывает социология, каждый индивид одновременно включен в несколько социальных групп (семья, трудовой коллектив, партия, религиозное объединение, государство и т.д.), что и обеспечивает в конечном счете единство социальной среды. Мотивацию поведения, ценностные установки личность получает от своей социальной группы. В результате сложной трансформации требования общества к личности принимают форму ее собственных убеждений. В этом смысле личность — творение коллектива.

Несмотря на производность свойств личности от свойств социальной группы, личность как целостная субстанция имеет свои интересы и ценностные установки, что обуславливает ее конфликты с обществом и его институтами. Оппозиция «личность — общество» — вечная и до конца не разрешимая проблема. Морфология взаимоотношений личности и общества весьма разнообразна, она складывается в зависимости от культурно-исторических условий и специфики социальных групп, к которым личность принадлежит. Серьезный недостаток большинства теорий, посвященных взаимоотношениям личности и общества, состоял в попытке отыскать универсальные формы, обеспечивающие социальную гармонию. Таких форм нет и не может быть, установка на их поиск ведет к социальному утопизму.

Политическая природа человека

Антропологические корни политики. Под политикой обычно понимают сферу общественных отношений между классами, нациями и другими крупными социальными группами, связанную с завоеванием, удержанием и использованием государственной власти. Термин «политика» производно от греческого слова *politika* — государство

³ Там же. С. 401.

или общественные дела, а также от слова *polis* — город-государство, форма социально-экономической и политической организации общества и государства в Древней Греции. Политика начинается там, где возникает государственная власть. Считается, что просто власть, так называемая потестарная (от лат. *potestas* — власть, мощь) организация, характерная для первобытного, догосударственного общества, политических отношений не порождает. Из противопоставления политики и потестарности вовсе не следует, что данные явления коренным образом отличны друг от друга. Да, между властью первобытного общества и государственной властью существует качественное различие: в первом случае власть слабо институционализирована и не выделяется из общины, во втором — власть надстраивается над обществом и становится публичным органом. Критерием зрелого, полноценного государства становится сильная публичная власть, способная навязывать обществу свою волю, особенно не считаясь с волей своих граждан. Вместе с тем и потестарная, и политическая власть построена на способности людей одновременно и властвовать, и подчиняться. Властная пирамида становится возможной потому, что свойства человеческой природы (сознание, ценности, психология) вырабатывают соответствующие стереотипы восприятия и поведения. Сама социальная среда формирует культуру, где власть оказывается возможной. Любой человеческий коллектив (первобытный или современный) построен на подчинении ему индивида. Власть универсальна потому, что универсален закон любой социальной группы: индивид подчинен коллективу и выполняет его требования. Власть в потестарной или политической форме лишь многократно усиливает действие данного закона, придавая ему вид институциональной завершенности и ценностной обоснованности. Власть универсальна, т.е. пронизывает все без исключения общественные отношения, потому, что зависимость индивида от коллектива также универсальна. Любая сфера человеческих отношений (политика, экономика, семья, религия, наука, искусство) строится на зависимости личности от социальной среды, в которой она пребывает. Зависимость может быть как позитивной (личность принимает ценности, нормы, институты среды), так и негативной (неприятие всего этого). В первом случае индивид признает власть коллектива над собой, во втором — ее отвергает и с ней борется, но в любом случае он оказывается с ним связанным, факт власти коллектива над личностью налицо.

Человек, культура, государство. Человек связан с властью и государством не непосредственно, а посредством культуры. В данном случае под культурой понимается совокупность ценностей, норм и институтов, господствующих в обществе или его сегменте. Соотношение личности и государства

зависит от господствующей культуры, которая подчиняет своим императивам и личность, и государство. Опираясь на опыт всемирной истории, можно утверждать, что главная тенденция в развитии государства — усиление его мощи, его способности ставить под свой контроль все более глубокий пласт общественных отношений, все более многостороннее подчинение личности миру политики, главным образом — государству. На протяжении известной нам истории государство стремилось к тотальному господству, в XX столетии оно становится подлинно тоталитарным. Одна из главных причин данной метаморфозы — эволюция ценностных установок личности, определяющих ее взаимоотношения с обществом и его институтами.

В Древнем мире наблюдается едва заметная раздельная линия между государством и обществом. Показательный пример — древнегреческий полис, где жизнь индивида с трудом можно разделить на частную и публичную. У людей родовое сознание преобладает над индивидуальным, дела полиса воспринимаются как свои собственные. Культура полиса времен Платона и Аристотеля несет на себе явные отпечатки первобытнообщинного строя. Проекты Платона, где он предлагает детальную регламентацию жизни граждан, отражают факт плотного регулирования общественных отношений древних греков обычным правом. Обычное право связано не столько с государством, сколько с укладом жизни и воззрениями (моральными, религиозными) людей. Такое положение дел обуславливает зависимость индивида не столько от государства, сколько от общества или его социальной группы (сословия, класса). Нарушая право, человек вступает в конфликт в первую очередь с культурой своей среды, власть государства лишь формализует наказание, фактически оно исходит от общества. Создавалось впечатление, что в условиях культуры Древней Греции личность почти безраздельно принадлежала государству, на самом деле она находилась в полной зависимости от общества. В эпоху феодализма наблюдается примерно тот же эффект: поскольку главный источник права — правовая обычай, человек находится в полной власти своего сословия, а не государства. Сословное неравное феодальное право выражало стереотипы социальной среды, а не волю государства. Государство было скорее посредником между индивидом и его сословием, чем непосредственным субъектом господства над ним.

Ситуация принципиально меняется с наступлением капитализма и возникновением буржуазных государств. В эпоху буржуазных революций происходит становление гражданского общества, экономика и церковь отделяются от государства. Буржуазия, заинтересованная в свободе торговой и промышленной деятельности, создает товарное

хозяйство, объединяющее страну в единый национальный рынок, и государство, задачей которого становится невмешательство в экономику и защита либерального правопорядка. Возникает либеральная модель: дуализм гражданского общества и государства, государства и экономики, личности и государства. Дистанция между государством и гражданским обществом, государством и личностью становится достаточно длинной, что обеспечило расширение сферы индивидуальной свободы. Культурной основой данного процесса был индивидуализм, т.е. такая мировоззренческая позиция, принцип, согласно которому признается приоритет интереса индивида над коллективным (групповым или общественным) интересом, благо человека считается высшей целью, а социальные институты и группы — средством его достижения. В Западной Европе потому возникают рыночное хозяйство и правовое государство, церковь отделяется от государства, формируется политический и идеологический плюрализм, реализуется идеология прав человека, что культура данного региона пронизана ценностями индивидуализма. Модель классического либерализма предполагала максимально возможную (если сравнивать с любым предшествующим периодом всемирной истории) атомизацию общества. Разрушение сословий освобождало личность от его власти, а становление либеральной демократии делало личность зависимой не столько от государства, сколько от закона. В известном смысле период классической демократии (XIX — начало XX в.) — апогей личной свободы, время максимальной удаленности от государства и социальных групп.

В XX в. государство во многих регионах мира становится тоталитарным, что резко сужает свободу личности. Недемократические тоталитарные режимы (коммунистический и фашистский) были только крайним проявлением общей тенденции к достижению абсолютного господства. Либеральная демократия на Западе конца XX — начала XXI в. являет собой мощную машину тотального контроля и подавления. Права и свободы человека в формальном отношении все так же, как и в эпоху классического либерализма, объявляются пределом власти государства, но сама личность все более подчиняется сфере политики. В XX в. возникает массовая культура, т.е. набор ценностей и норм, вырабатываемых массой и навязываемых прямо или косвенно индивиду. Внешне это выглядело как естественное следствие демократии, когда не власть, а народ определяет качество своей жизни. На самом деле массовая культура включила механизмы архаических обществ, когда общество безраздельно господствовало над личностью. Жесткий прессинг норм массовой культуры не просто стандартизирует поведение личности, но лишает

ее индивидуальности, делает ее послушным автоматом. Массовая культура создала благоприятные условия для реализации стремления государства к полному и всестороннему господству. При внешнем сохранении демократических процедур человек превращается в объект идеологического и властного манипулирования. Массовая культура, растворяя личность в социальной среде, одновременно делает ее придатком государственной машины, готовой действовать без рассуждений по первому призыву власти.

Человек как гражданин и патриот. Человек оказывается связанным с государством главным образом не как индивид, существующий как бы автономно, а в качестве составной части какой-либо социальной группы. Исторический взгляд на государство позволяет уверенно констатировать, что оно создается либо всем обществом, либо его существенной частью. Государство — это организация людей, оно есть следствие коллективной целеполагающей деятельности. Связь между государством и личностью есть прежде всего фактические отношения, складывающиеся в процессе отправления обществом властных полномочий в лице его различных институтов. Уже ранние государства, где публичная власть еще слабо выражена, обязаны очерчивать тот круг людей, которые образуют его ткань, на которых оно может опираться в своей деятельности. Как отмечалось выше, в Древнем мире граница между публичной властью и обществом едва заметна, государство тех времен — это и есть общество, организованное во властные институты. Фактические связи людей между собой являются основой как общества, так и государства. Когда государство формализует свои отношения с индивидом, ставит его во властную зависимость от себя, оно тем самым реализует требование общества в отношении своих членов. Гражданин в условиях древнего государства являет собой не столько связь с государством, сколько свою связанность с требованиями общества. Служить государству в прямом смысле означало служить обществу, так это в основном и понимали. Для Аристотеля, гражданином является всякий, кто так или иначе причастен к государственной деятельности, т.е. к политической жизни полиса. Говоря шире, гражданин тот, кто способен быть полноценным участником базовых отношений, влияющих на благополучие полиса. Согласно логике греков гражданин — это материал, из которого общество создает власть, благодаря гражданам общество становится политическим организмом.

Примерно тот же подход демонстрируют западноевропейские просветители эпохи буржуазных революций. Казалось бы, они создавали новую либеральную дуалистическую модель, где государство и общество разведены на разные полюса, власть

ограничена законом, а обществу и индивидам гарантировалась свобода. Вместе с тем теория договорного государства предлагала по большей части монистическую модель, где человек, общество и государство не столько разделялись, сколько соединялись в единое целое. Наиболее показательны здесь взгляды Руссо, ярого поборника народного суверенитета и прямого народовластия. Основная задача договора звучит так: «Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силою личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде»⁴. В результате заключения договора индивид, общество и государство сливаются в единое целое: «Немедленно вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создает условное коллективное Целое, состоящее из стольких членов, сколько голосов насчитывает общее собрание. Это Целое получает в результате такого акта свое единство, свое общее Я, свою жизнь и волю. Это лицо юридическое, образующееся следовательно в результате объединения всех других, некогда именовалось Гражданскою общиною, ныне же именуется Республикою, или Политическим организмом: его члены называют этот Политический организм Государством, когда он пассивен, Сувереном, когда он активен, Державою — при сопоставлении его с ему подобными. Что до членов ассоциации, то они в совокупности получают имя народа, а в отдельности называются гражданами как участвующие в верховной власти, и подданными как подчиняющиеся законам Государства. Но эти термины часто смешиваются и их принимают один за другой; достаточно уметь их различать, когда они употребляются во всем их точном смысле»⁵.

Иначе говоря, даже ранняя буржуазная мысль не предполагала рассмотрение гражданина как атомизированного аполитичного индивида, слабо связанного с государством, а значит, и с обществом. «Естественный человек», вступая в договор и тем самым объединяясь с другими в единое целое, реализует свою общественную, в данном случае политическую природу. Договор выражает политическое существо индивида в том смысле, что он способен добровольно отказаться от своей первоначальной свободы ради своего нового статуса — быть неотъемлемой частью государства. Руссо хотя и исходит из посылки, что индивид останется свободным и после заключения договора, но его модель в логически завершенном виде говорит как

раз об обратном: становясь тканью государства, гражданин лишается свободы. У Локка мы находим такую же мысль, только в смягченном виде. Как представляется, и Руссо, и Локк полностью отдавали себе отчет в создании, по сути, этатистской, монистической модели государства. Дело в том, что любое государство, деспотическое или либеральное, буржуазное или социалистическое, с необходимостью строится на почти полной зависимости гражданина от государства. Если брать фактическую сторону дела, а не юридическую, формальную, то очевидно, что жизнь, собственность, безопасность гражданина в решающей степени зависят от государства. Гражданин есть прежде всего строительный материал для государства, и только затем встает вопрос об их собственной ценности. Гражданин — это главным образом средство, они являются целью только во вторую очередь, да и то не везде. Быть гражданином своего государства означает принять его беспредельную власть над собой, беззаветно ему служить и быть готовым пожертвовать ради него не только своим благополучием, но даже своей жизнью. Жизнь граждан принадлежит не им, а их государству, что наглядно демонстрирует война. Государство, вступив в войну, мобилизует население и бросает его на фронт, распоряжаясь жизнями своих граждан по своему усмотрению. Такое положение дел — вовсе не следствие уродливой социальной организации, как утверждают анархисты, это прямое требование жизни, следствие борьбы общества за выживание. Государство требует абсолютного повиновения от своих граждан не в силу произвола власти, а потому что так велят законы социальной организации. Народ, создавший государство и желающий ему блага, вынужден добиваться от своих граждан поведения, укрепляющего государство. Нация в лице государства вынуждена воспитывать своих граждан в духе патриотизма. В этом смысле подлинный гражданин своей страны — это всегда патриот, готовый на подвиг ради своей родины. В данном контексте понятия гражданина и патриота естественным образом сливаются. Такое единство личности и государства кто-то может расценить как проявление глубокой архаики, встречаемой где-нибудь в Древнем Риме или Древней Греции. В современном правовом демократическом государстве, скажут нам, личность не сливается с государством, но воспринимает его критично, существует во многом автономно от него. Такой взгляд представляется глубоким заблуждением. В основе современного государства (в том числе на Западе) лежит древний механизм, рожденный биосоциальной природой человеческого коллектива. В своей борьбе за выживание он вынужден подчинять поведение индивида своим интересам, требовать от него полного подчинения и готовность идти на жертвы. Ослабление данного

⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 160.

⁵ Там же. С. 161, 162.

механизма означает политическое вырождение общества и его членов, что ведет к разрушению государства.

Проблема отчуждения

Отчуждение есть «философско-социологическая категория, выражающая объективное превращение деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним самим и враждебную ему, и связанное с этим превращением человека из активного субъекта в объект общественного процесса»⁶. Отчуждение — процесс универсальный, наблюдаемый во всех сферах человеческой деятельности. Важнейшая ее черта — творческий целеполагающий характер, в результате чего создается культура. Культура — вторая природа человека, благодаря ей он выделяется из животного мира, приобретает способность к социализации, становится личностью. В марксистской философии есть два термина, раскрывающих механизм взаимодействия человека и культуры: «опредмечивание» и «распредмечивание». Опредмечивание означает, что человек, используя свои навыки, способности, мысли, создает вещи материального или идеального свойства. Это могут быть: религия, мораль, искусство, орудия труда, техника, социальные институты, в том числе государство и право. В результате опредмечивания вещи приобретают известную автономность и начинают жить во многом независимо от своего создателя, что часто производит впечатление их нерукотворности. Так, религия, мораль, право, институты власти в традиционных культурах считаются данные Богом, а не созданные творчеством человека. Процесс опредмечивания рождает «мир объектов» (если использовать терминологию Н.А. Бердяева), противостоящий субъекту (человеку) в качестве враждебной, сковывающей его свободу силы. Появление мира объектов знаменует собой процесс болезненного раздвоения личности. С одной стороны, культура, созданная человеком, есть проявление его собственных сущностных сил, она и есть он сам, но только в превращенном, овеществленном виде, с другой — культура живет своей жизнью и влияет на человека как внешняя безличная сила. Распредмечивание предполагает обратный процесс: человек, осваивая культуру, обретает заложенные в ней свойства. Влияние культуры на человека есть процесс его социализации, начинающийся с момента рождения и продолжающийся до самой смерти. Культура формирует в человеке личность, обогащает его опытом, приобретенным предшествующими поколениями, в чем и состоит суть распредмечивания.

Таким образом, процесс опредмечивания создает культуру, благодаря распредмечиванию культура социализирует человека, формирует в нем духовные, собственно человеческие качества. Проблема состоит в том, что мир объектов, культура, созданная в результате опредмечивания, рождает тотальное отчуждение индивида от общества, от культуры и даже от самого себя. «Основным показателем отчуждения признается наличие в мировосприятии личности следующих доминант: во-первых, чувства бессилия, ощущения того, что судьба индивида вышла из-под его контроля и находится под детерминирующим влиянием внешних сил; во-вторых, представления о бессмысленности существования, о невозможности получить путем осуществления каких-либо действий рационально ожидаемый результат; в-третьих, восприятия окружающей действительности как мира, в котором утрачены взаимные обязательства людей по соблюдению социальных предписаний, разрушена институализированная *культура*, не признается господствующая система *ценностей*; в-четвертых, ощущения одиночества, исключенности человека из социальных связей; в-пятых, чувства утраты индивидом своего “подлинного Я”, разрушения аутентичности личности, т.е. самоотчуждения»⁷. Иначе говоря, тотальное отчуждение предстает в виде «разорванного» индивидуального сознания, нескончаемой дисгармонии личности с миром и с самим собой, что рождает ощущение безысходности, безнадежности своего бытия, бесплодности какой-либо активной творческой деятельности, ведет к социальной апатии или, напротив, к бунту, радикализму.

Феномен отчуждения развивается по мере увеличения плотности культуры, наращивания ее объема и усложнения. Примитивная культура первобытного общества в минимальной степени рождает феномен отчуждения. Социальные нормы и институты еще крайне неразвиты. Институт, наиболее отдаленным от человека и противостоящим ему в виде безличной и угрожающей силы, является религия. В богах люди видят источник жизни и смерти, своего благополучия и несчастий. Публичной власти еще нет, властные отношения распределены внутри общины, поэтому они не воспринимаются как внешние и враждебные. Вместе с тем первобытное общество — это господство коллектива над индивидом, где первый требует от второго повиновения и исполнения обязанностей. Здесь конфликт между обществом и личностью хотя и в зачаточной форме, но уже существует, власть коллектива вносит в сознание индивида разлад, феномен отчуждения налицо. Появление публичной власти многократно ускоряет и усиливает феномен

⁶ Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 4. М., 1967. С. 189.

⁷ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 2009. С. 483.

отчуждения. Государство (даже ранние его формы) формирует нормы и институты, направленные на повышение уровня управляемости обществом, т.е. создает среду, все более ограничивающую свободу человека и, соответственно, воспринимаемую им как чужеродную, враждебную себе.

Феномен отчуждения становится подлинно тотальным при переходе от традиционных обществ к индустриальным, что детально было проанализировано Марксом. Капитализм, с его точки зрения, рождая тотальное отчуждение в сфере экономики, переносит его во все остальные сферы жизни, в том числе в политико-правовую. «В работах Маркса и Энгельса раскрыты следующие основные моменты отчуждения в капиталистическом обществе. 1) Отчуждение самой деятельности человека, который выходит из процесса труда обедненным и опустошенным. 2) Отчуждение условий труда от самого труда. Рабочему противостоят в отчужденной форме в качестве капитала не только материальные, но и интеллектуальные условия его труда. Это особенно очевидно в отчуждении управления производством и в отчуждении науки от рабочего. 3) Отчуждение результатов труда от наемного рабочего. 4) Отчужденность социальных институтов и норм, предписываемых ими, от трудящихся. Социальные институты превращаются в бюрократические системы, построенные по иерархическому принципу. 5) Отчуждение идеологии от жизни, приводящее к формированию у членов общества такого уровня притязаний и ожиданий, который не соответствует действительным возможностям общества, что нередко бывает причиной отклоняющегося поведения»⁸. Товарное хозяйство, таким образом, создает правопорядок, демонстрирующий тотальное отчуждение политики и права от широких народных масс и индивида. Можно ставить под сомнение положение Маркса об ущербности буржуазной политической системы, но здесь очевидно другое: капитализм создает новый, современный тип государства, где публичная власть удалена от общества настолько, что может не принимать его во внимание при принятии тех или иных решений. Буржуазное правовое демократическое государство есть современное государство, где феномен отчуждения достигает своего апогея. Казалось бы, либеральная демократия была задумана как средство наиболее полного расширения сферы свободы, где установлена система ее политических и юридических гарантий. На самом деле при формальном расширении прав либеральная демократия максимально удалила индивидов от источника принятия решений. Личная свобода действительно приобрела приоритет перед свободой политической,

но все это ценой политического отчуждения. Уже Руссо заметил эту тенденцию, отказавшись от идеи представительной демократии, которая, с его точки зрения, демонстрирует глубокую деградацию современных народов Запада.

Со второй половины XIX в. политическое отчуждение, созданное буржуазной культурой, становится предметом острой критики со стороны марксистов и анархистов. В первой трети XX в. эту критику подхватывают фашисты разных мастей. Аргументация у всех была примерно одинаковой: парламентская демократия рождает политический кретинизм, правящий класс занят главным образом политическими интригами, забыв о подлинных интересах народа; народный суверенитет превращен в фикцию, его заменяет фактическая диктатура партий и ее вождей; буржуазное государство оторвано от народа и не способно быть выразителем его интересов. Установленные в XX в. тоталитарные режимы (коммунистические и фашистские) помимо прочих целей имели в виду создать подлинно народное государство, максимально приближенное к обществу. На этой основе предполагалось снять не только политическое, но и всякое другое отчуждение. Однако вместо того, чтобы получить народное государство, коммунисты и фашисты превратили общество в большую казарму, где сфера свободы сузилась до минимума, если не сказать, что она полностью исчезла. Попытка преодолеть тотальное отчуждение закончилась еще большим отчуждением, уже действительно тотальным и абсолютным. Массы, с помощью террора вгоняемые в сферу политики, не только не преодолели отчуждение, но, напротив, превратились в государственных рабов, не имеющих право на собственное мнение. Всякая критика власти рассматривалась как умысел на подрыв существующего порядка.

Опыт мировой истории, особенно XX столетия, доказывает, что ни одна из форм власти не способна преодолеть политическое отчуждение. Более того, сам феномен культуры не предполагает преодоление отчуждения. Отчуждение — это та родовая травма, с которой человек рождается и умирает. Идеализм и религия относят факт преодоления отчуждения к жизни после смерти, только там человек способен обрести гармонию, которой ему так не хватало в земной жизни. В таком подходе много трезвого расчета, как бы ни оценивать достоверность предложенной перспективы. Теории «земного рая», социальные утопии разных сортов утверждают другое: гармонию общественных отношений можно достигнуть, если их рационально организовать. Забвение простой истины, что человек — существо иррациональное, ломающее любую логику, ведет к установлению насилия над человеком, в конечном счете к большой крови.

⁸ Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 456.

Реалистический подход к проблеме отчуждения состоит в том, чтобы признать его неизбежность и минимизировать, не коверкая человеческой природы и учитывая ее особенности. Как верно отмечал В.С. Соловьев, задача государства и права состоит не в том, чтобы создать рай на земле, а в том, чтобы не превратить земную жизнь в ад. Отчуждение неустранимо, но борьба с его негативными последствиями необходима. Отчуждение рождает фетишизацию общественных институтов и отношений, вкладывает в них ложный смысл, закабалая человека не только с помощью норм, но и идейно. Даже в условиях современности государство и право неоправданно становятся предметом едва ли не религиозного поклонения. Власть требует от своих граждан жертв во имя государства, объявляя его земным богом, высшей земной ценностью. Десакрализация политики, власти и права есть тот неизбежный путь, который следует пройти, чтобы максимально гуманизировать общественные отношения. Трезвый взгляд на природу отчуждения позволит относиться к нему без страха и одновременно без ложного оптимизма, понимая непреодолимость данного состояния.

Бытие личности и бытие права

Очевидно, что бытие права немыслимо без общества и человека. Право — продукт социального развития, оно вырастает в условиях конкретной культурно-исторической среды. Свойства общества не являются суммой свойств индивидов, из которых оно состоит. Общество имеет свойства, которых не имеет индивид, точнее, свойства общества есть результат органического синтеза, переплавки свойств индивидов, приобретающих новое качественное состояние. Вместе с тем между свойствами общества и свойствами отдельных людей нет непроходимой грани, они взаимосвязаны, что прослеживается и в праве. Вне всякого сомнения, право есть главным образом социальный институт, вырастающий из потребностей коллектива. Право аккумулирует в себе стандарты массового поведения и рассчитано именно на массовое правовое регулирование. Здесь следует, однако, помнить, что процессы и правотворчества, и правоприменения проходят через индивидов, их сознание, волю, психологию и интересы. Общество — это не монолитная биологическая масса, оно состоит из людей, рассматривающих себя в качестве самостоятельного субъекта, в том или ином отношении противостоящего обществу. Каждый человек уникален, он всегда выходит за рамки стандартов массового поведения, что вносит свои коррективы при реализации норм права. Таким образом, при том, что право — социальное явление, создается коллективом и выражает прежде всего его интересы, его нормы

создаются и реализуются посредством индивидов. Такая двойственность права рождала и рождает дискуссии в юридической науке, разнообразие подходов и школ. В конечном счете эти дискуссии отталкиваются от общей мировоззренческой темы о соотношении личности и общества. В зависимости от того, каким образом решается данный вопрос, философ или теоретик права рассматривают проблему соотношения бытия личности и бытия права. Весьма условно, абстрактно, в логически очищенном виде все подходы можно разделить на два: объективистский и субъективистский. Согласно первому подходу правотворчество и реализация права всецело зависят от социальной среды, поскольку индивид — ее неотъемлемая часть, не имеющая собственной инициативы. Второй подход отталкивается от идеи, что личность первична, ее сознание, воля и поведение оказывают решающее влияние на создание и функционирование права. Оба подхода в чистом виде встречаются редко, чаще наблюдается тот или иной их симбиоз.

Пример субъективистской антропологии права являет собой школа естественного права и ее многочисленные разновидности. В эпоху буржуазных революций естественно-правовая теория приобретает концептуальную завершенность благодаря творчеству просветителей. Помимо политических и экономических соображений (стремление обосновать новый буржуазный правопорядок) авторы эпохи Просвещения были поглощены идеей создать философию права, по своим качествам (точность и формализованность знания) равную математике и естественным наукам. Здесь сказалась традиция, идущая от античности. Строго говоря, подлинная философия начинается с древних греков, которые создают философию как способ рационального осмысления бытия. Эту традицию перенимает средневековая схоластика, возвращенная на логику и метафизику Аристотеля. Представители схоластики, обсуждая богословские вопросы и оттачивая мастерство теологического спора, демонстрировали большие возможности формальной логики, а с ней — возможности самого разума. Так формировалась рационалистическая традиция в западноевропейской философии. Раннебуржуазные просветители, выдвинув концепцию естественного состояния и естественного человека, сделали исходной точкой своих теоретических построений антропологические свойства человека, главным среди которых объявлялся разум. Позиция, согласно которой политико-правовые институты следует рассматривать через призму свойств человека (антропологизм), неуклонно вела к субъективистскому пониманию права. Право, утверждали просветители, имеет своим источником разум человека. Идея права, естественного закона априорна, дана от рождения природой или

Богом (здесь авторы стояли на позиции либо деизма, либо пантеизма). Идея права, идеальное право, права человека — атрибут разума, естественное право существует постольку, поскольку существуют человек и его разум. Человек как часть природы универсален, как разумное и моральное существо он противостоит любой социальной организации, всегда искусственной, рукотворной и потому отклоняющейся от требований разума и норм естественного права. В разуме, а не в общественно-политической практике следует искать критерии должного и недолжного поведения. Данная позиция достигает апогея в философии права Канта, где категорический императив объявлялся источником права и государства. Ни ему, ни его последователям конца XIX — начала XX в. (так называемое «возрожденное» естественное право) не удалось совместить объективные условия жизни людей и субъективизм в понимании истоков права, в конечном счете они остались на позициях субъективизма.

Проблема состоит в том, что в целом умозрительную, бездоказательную схему об идеальном праве, о врожденных, неотчуждаемых правах человека берут на вооружение политические силы, власть. Буржуазия идет к власти, стремясь защитить свой экономический интерес. Свобода промышленной и торговой деятельности — вот ее главные лозунги, подчиняющие себе все остальные провозглашенные ей права. Естественнo-правовая теория превращается в эффективную, привлекательную, откровенно популистскую политическую пропаганду. Идеалист субъективного толка скажет: идея неотчуждаемых прав и свобод человека наполняет душу неиссякаемым светом, вселяет в человека ощущение собственной ценности и чувство собственного достоинства, озаряет людей идеалом, к которому надо стремиться. Нет и не может быть никаких возражений против необходимости защищать человека и его права, но это не значит, что во имя политической пропаганды следует отказаться от научного анализа прав человека. Очевидно, что индивид — часть социальной среды, к которой он принадлежит и которая наделяет его представлениями о своем социальном статусе. Идея прав человека становится господствующей в период буржуазных революций потому, что они обслуживают материальный интерес значительной социальной группы; на идею прав человека появляется социальный запрос, сама среда порождает эту идею. Европейский феодализм, просуществовав почти 1000 лет и обнаружив огромный потенциал, обходился без идеи прав человека. Во многих современных культурах незападного типа до настоящего времени идея прав человека воспринимается как искусственный компонент, насильно вживленный в национальное политическое тело. Субъективные права граждан есть, по сути, те возможности, которые общество в лице государства готово им предоставить. Если по материальным или

культурно-историческим причинам права не могут быть предоставлены и тем более реализованы, значит, их фактически нет. Факт их провозглашения (пусть даже государством) не отменяет факт их нереализуемости.

Поскольку общество есть совокупность индивидов, связанных между собой в функциональном, идейном и ценностном отношениях, право — это результат деятельности общества в форме актов индивидов. Поскольку бытие индивида невозможно без бытия общества, связывать бытие права только либо с индивидом, либо с обществом представляется теоретической и методологической ошибкой. Любой известной истории источник права — акт коллективного действия. Правовой обычай, бывший главным источником права на протяжении большей части истории человечества, возникает вследствие длительной коллективной деятельности людей в какой-либо сфере. Роль индивида в формировании обычного права состоит лишь в том, что он включается в общую работу по формулированию и легализации нормы. Правовой обычай аккумулирует в себе представления данной социальной группы о том или ином сегменте общественных отношений, он выражает ее правосознание. Обычное право — пример доминирования среды над индивидом в деле создания права. В судебном прецеденте роль индивида вроде бы возрастает: в деле есть судья и стороны конфликта, создание нормы зависит от данного весьма ограниченного круга лиц. Но здесь следует помнить, что судья и стороны конфликта ориентируются на нормы и ценности, господствующие в данной среде. Судья своим решением создает норму, которая должна согласовываться с общепринятой практикой и правосознанием, принятым в данном обществе. Получается, что прецедентное право вроде бы весьма индивидуализировано, но на самом деле оно является лишь одним из элементов правовой культуры. Более высокий уровень индивидуализации наблюдается в нормативных актах, которые могут быть приняты одним человеком без согласования с кем-либо. Внешне выглядит так, что единолично принятые акты есть исключительно воля лица, его издавшего. В данном случае следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, акт будет работать, если он вызван к жизни объективными обстоятельствами, востребован практикой. Во-вторых, нормы акта должны пройти через сознание и волю людей, на которых он рассчитан, т.е. должен так или иначе получить признание с их стороны. Без этих условий нормативный акт не сможет быть регулятором общественных отношений, т.е. быть собственно правом. Таким образом, бытие личности связано с бытием права не непосредственно, а опосредовано, между личностью и правом всегда стоит коллектив. Право в конечном счете есть всегда коллективный акт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М., 2001. С. 400, 401.
2. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 160–162.
3. Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 3. М., 1964. С. 196; Т. 4. М., 1967. С. 189.
4. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 2009. С. 483.
5. Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 456.

ANTHROPOLOGY IN THE PHILOSOPHY OF LAW: PROBLEM STATEMENT

© 2019 V. N. Zhukov

*Lomonosov Moscow state University;
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 19.02.2019

The article deals with the relationship between human properties and the properties of the state and law. The concept of the immutable nature of man, state and law is proposed. The characteristic of a person as a citizen and a patriot is given. The essence of political alienation is revealed, the impossibility of its overcoming is explained. The features of the connection between the existence of personality and the existence of law are shown.

Key words: Philosophy of Law, General theory of law, Sociology of Law, anthropology of law, ontology of law, political alienation, human rights.

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук, Москва

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of theory of state and law and political science of the faculty of law of Lomonosov Moscow state University, chief research fellow, Philosophy of Law, history and theory of state and law sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow